

РУССКАЯ ПОЛИТИКА

ВЪ ОТНОШЕНІИ КЪ СРЕДНЕЙ АЗІИ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

В. В. ГРИГОРЬЕВА,

ПРОФЕССОРА ИМПЕРАТОРСКАГО С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

(посвящается М. П. Погодину).

Было время когда Русь православная глядѣла совершенною татарщиной. Татарщиной проникнуто и пропитано было въ ней все, кромѣ религіи. Проникнуто и пропитано въ такой же степени, если не болѣе, какъ теперь западнымъ европеизмомъ. И какъ западный европеизмъ, полтора столѣтія уже господствующій въ достаточнѣйшихъ и вліятельнѣйшихъ классахъ русскаго населенія, чувствуется тѣмъ слабѣе, чѣмъ приниженіе и бѣднѣе среда до которой доходитъ его вліяніе, подобно тому и татарщиною заражены были, въ свое время, преимущественно верхи и вѣтви русскаго народа, всего-же менѣе — стволъ его и корни. И не по внѣшности только, по одеждѣ, по приемамъ, по обстановкѣ быта, походили на татаръ русскіе князья и бояре, русскіе служилые и торговые люди: все, и чувства, и понятія, и стремленія ихъ въ области практической жизни, все это сильнѣйшимъ образомъ отзывалось татарщиной. Восприняли въ себя эту татарщину предки наши въ продолженіе двухсотлѣтняго,

невольного сначала, но потомъ обратившагося въ привычку, подлаживанья подъ тонъ, нравы и порядки, царившіе въ Сараѣ на Волгѣ, который, въ этотъ періодъ, игралъ по отношенію къ намъ ту же роль, какою выпала впоследствии на долю Парижа. Но татарщиною продолжала глядѣть Русь и по паденіи Золотой-Орды, въ продолженіе всего московскаго періода, вплоть до самаго Петра-Великаго. Вопли татарскими, во весь періодъ этотъ, продолжали оставаться въ особенности государственныя идеи и политическіе приемы царей и сановниковъ русскихъ, такъ-что, безъ знакомства съ истіною татарщиною, невозможно понять и оцѣнить правильно многихъ явленій въ отечественной исторіи XV—XVII вѣковъ.

Благодаря тому, что освоились предки наши до такой степени съ татарщиною, удалось имъ и освободиться отъ татарскаго ига: узнали они слабыя стороны ордынскаго могущества, и успѣли обратить въ свою пользу то, что было дѣйствительно умнаго въ ордынской правительственной мудрости. Вслѣдствіе полнѣйшаго знакомства своего съ татарщиною, умѣли государи московскіе вести и дѣла свои по отношенію къ ней такъ искусно, какъ вели они ихъ по распаденіи Золотой-Орды. Цари и совѣтники ихъ знали въ то время чего хотѣли, къ чему должно было имъ стремиться, что было возможно, что не было въ ихъ силахъ, и какими средствами и способами возможное могло быть наилучше приведено въ исполненіе. Искуснѣйшимъ и плодотворнѣйшимъ политическимъ приемомъ того времени было съ ихъ стороны привлеченіе на службу къ себѣ тѣхъ изъ знатныхъ ордынцевъ, которые по чему либо не уживались на родинѣ. Въ этихъ выходцахъ, являвшихся въ сопровожденіи болѣе или менѣе значительнаго числа приверженцевъ, пріобрѣтали великіе князья и цари московскіе: во-первыхъ — хорошую военную силу, которую обращали противъ враговъ своихъ какъ на востокъ, такъ и на западъ Россіи; во-вторыхъ — надежную опору противу собственнаго, своекорыстнаго и расположеннаго къ непокорности, родо-витаго боярства. Большою и опасною государственною ошибкою было-бы оставленіе такихъ выходцевъ въ ихъ мусульманской религіи; при значительности и вліятельности этихъ инородцевъ, могъ-бы образоваться изъ нихъ со-временемъ элементъ крайне вредный для государства по отчужденности своей отъ православія, составлявшаго и составляющаго жизненную основу русской національности. Къ счастью, ошибка эта была избѣгнута,

не какъ предусмотрѣнная своевременно, а какъ невозможная при тогдашнихъ религіозныхъ понятіяхъ всего русскаго общества, и тогдашнихъ условій его жизни. Если не въ первомъ, какъ обыкновенно, такъ во второмъ поколѣніи ордынскіе и всякіе другіе выходцы на Русь обращаемы были въ православіе, и пріобщаясь такимъ образомъ къ плоти и крови русскаго народа, усиливали, а не ослабляли создававшееся государство. Но какъ не всякаго нужнаго и годнаго ордынца можно было сдѣлать сейчасъ же христіаниномъ, и неизбежная перспектива охристіяниться на Руси могла-бы служить препятствіемъ къ переселенію въ нее такихъ ордынцевъ, навсегда или временно, найденъ былъ умный способъ помочь и этому горю — сочинено было въ предѣлахъ Россіи особое ханство, гдѣ нужные выходцы ордынскіе могли оставаться мусульманами, безъ вреда отъ того для вѣрной и усердной службы ихъ нашимъ государственнымъ интересамъ — ханство, или, какъ звалось оно, царство касимовское, въ продолженіе двухъ сотъ лѣтъ успѣшно отирававшее эту, возложенную на него, функцію.

Хотя въ періодъ существованія Золотой-Орды предѣлы Средней-Азіи, конечно, не только доходили до Волги, но вдвигались и еще западнѣе въглубь Европы, все-же, по нынѣшней географической номенклатурѣ, политику русскихъ властителей въ отношеніи къ татарскимъ владѣніямъ, возникшимъ въ Заволжѣ на развалинахъ Золотой-Орды, нельзя называть, въ строгомъ смыслѣ „средне-азіатскою“. Собственно съ Среднею-Азіею пришли мы въ соприкосновеніе, и получили возможность относиться къ народамъ ея такъ или иначе, лишь по присоединеніи къ Россіи „царствъ“ казанскаго и астраханскаго. Если, по уничтоженіи этихъ отпрысковъ Золотой-Орды прошло не мало времени прежде чѣмъ стала проникать Русь въ степи Средней-Азіи, нельзя сказать чтобы причиною тому была неумѣлость московской политики. Прежде чѣмъ забираться такъ далеко на Востокъ, царямъ московскимъ предстояло достигнуть гораздо важнѣйшихъ цѣлей на западныхъ и южныхъ окраинахъ Руси, надо было пережить много смутъ въ самомъ сердцѣ ея, оказывалось нужнѣйшимъ, во всякомъ случаѣ, прочно закрѣпить за собою новопріобрѣтенное Заволжье, обративъ его изъ земли чудской и татарской въ землю русскую. Какъ превосходно сумѣли они совершить такое трудное преобразование, доказывается блистательно ролью казанскаго края въ пору самаго смутнаго для Россіи времени, черезъ какіе-нибудь шестьдесятъ лѣтъ по пріобрѣтеніи сѣверо-восточнаго Завол-

жя. Именно потому и не двигались мы въ Среднюю-Азію въ теченіе XVII вѣка, что знакомы были тогда съ нею гораздо ближе чѣмъ въ послѣдовавшемъ столѣтіи, что намъ былъ основательно извѣстенъ характеръ степей ея и ихъ кочеваго населенія. Неопровержимыя свидѣтельства этому знакомству представляютъ какъ „Книга Большому Чертежу“, такъ и знаменитое твореніе голландца Витсена, который все свѣдѣнія свои о средней и сѣверной Азіи, изумившія Европу въ концѣ XVII столѣтія, добылъ и могъ добыть только въ Россіи.

При невозможности и невыгодности простираť завоевательныя виды на Среднюю-Азію въ тѣхъ обстоятельствахъ, въ какихъ находилась Россія въ теченіе XVII вѣка, государямъ московскимъ оставалось по отношенію къ этой части Азіи: 1) поддерживать, въ сношеніяхъ съ владѣльцами ея, ту славу о русской силѣ и русскомъ величіи, какую покореніемъ Казани и Астрахани приобрѣли мы въ самыхъ далекихъ краяхъ мусульманскаго Востока; 2) воздерживать, по возможности, ближайшихъ кочевниковъ отъ грабительскихъ вторженій въ наши поселенія; и 3) заботиться объ огражденіи торговыхъ интересовъ своихъ подданныхъ, не забывая и другаго интереса того времени, бывшаго намъ общимъ со всею остальною Европою — выручки изъ рукъ мусульманъ попадавшихъ, разными судьбами, въ рабство къ нимъ православныхъ христіанъ.

„Хочешь чтобы уважали тебя другіе, умѣй прежде самъ себя уважать“. Этою аксіомою цари московскіе и чиновники ихъ проникнуты были до мозга костей, почему честь и достоинство Россіи оберегали, въ отношеніи къ иностранцамъ, съ заботливостію, которая, въ послѣдующія времена, была, къ сожалѣнію, забыта. Въ XVI и XVII столѣтіяхъ заботливость эта составляла характеристическую черту нашей дипломатіи. Извѣстно что когда, еще при Василіѣ Ивановичѣ, прибыло въ Москву посольство отъ султана Бабура, только что основавшаго могущественнѣйшее и богатѣйшее государство въ Индіи и Афганистанѣ, — вѣсть объ этомъ не успѣла еще дойти до насъ, — то государь, принявъ посла его милостиво, и соизволивъ на свободную между обоими подданными торговлю, чего желалъ Бабуръ, *о братствѣ къ нему не приказывалъ*, какъ замѣчаетъ лѣтописецъ, ибо не зналъ навѣрное что такое онъ Бабуръ: *самодержецъ или только урядникъ индійскаго царства*. Ногайцы, окаймлявшіе улусами своими всю восточную границу Россіи отъ Каспійскаго Моря вплоть

до Сибири, были, въ XVI вѣкѣ, сосѣдами весьма для насъ опасными; тѣмъ не менѣе главѣ ихъ, Исмаилу, хотя велѣ онъ себя притомъ какъ добрый нашъ союзникъ и дорожили мы его дружбою, не позволялъ Грозный писаться въ грамотахъ (какъ хотѣлось того Исмаилу по старому обычаю) ни *отцомъ*, ни *братомъ* ему, считая то и другое униженнымъ для достоинства самодержца земли Русской. Въ 1589 году, когда знаменитый Абдуллахъ, ханъ бухарскій, прислалъ къ царю Ѳеодору Ивановичу посла съ грамотою, грамота эта, какъ написанная безъ титула царскаго, не была принята, а отвѣчалъ Абдуллаху, по указу царя, бояринъ Годуновъ, сказывая что все государи пишутъ къ его царскому величеству съ должнымъ уваженіемъ, а къ нему боярину съ ласкою и любовію; вмѣстѣ съ тѣмъ извѣщалъ онъ хана, что если царь не *положилъ опалы* на его, Абдуллахова, посла, то лишь по ходатайству его, Годунова, и другихъ бояръ, и предлагалъ хану загладить нанесенное оскорбленіе, обѣщая ему *предстательство* свое дабы взаимныя сношенія съ царемъ не прекратились. Мы знаемъ, какъ мало еще успѣла оправиться Россія отъ неурядицъ „смутнаго времени“ къ 1620-му году; между тѣмъ юный Михаилъ Ѳеодоровичъ, отправляя въ этомъ году посломъ въ Бухару дворянина Хохлова, строго наказывалъ ему не давать „ношлинъ“ (подарковъ), если будутъ требовать ихъ для допущенія его къ хану, и, если за обѣденнымъ столомъ у хана будутъ послы отъ другихъ державъ (могъ случиться между ними и посолъ изъ Персіи, или отъ индійскихъ Бабуридовъ, или отъ османскихъ султановъ), требовать, чтобы ему, русскому послу, дано было мѣсто выше другихъ, въ противномъ же случаѣ не обѣдать. Первый русскій посолъ въ Китай, боярскій сынъ Байковъ, отправленный туда въ 1654 году, не былъ принятъ императоромъ, какъ извѣстно, потому, что не согласился подвергнуться униженнымъ пріемнымъ обрядамъ, которые однако же считались обязательными для всехъ иноземныхъ пословъ, откуда-бы они ни являлись. Въ свою очередь, принимая у себя посольства отъ среднеазиатскихъ владѣльцевъ, мы въ переговорахъ съ посланцами оттуда строго сообразовались съ относительнымъ политическимъ значеніемъ ихъ государей, и назначали для пріема такихъ посольствъ вообще чиновниковъ низшихъ степеней. Для поддержанія или внушенія высокаго о себѣ мнѣнія за границею, считалось непредосудительнымъ и прихвастнуть. Такъ, напримѣръ, въ наказѣ Новосильцову, отправленному, въ 1585

году, отъ царя Ѳедора Ивановича посломъ къ императору Рудольфу, предписывалось, касательно азіатскихъ отношеній нашихъ, сказывать, что „которые государи живутъ межъ государя нашего царства, царства астраханскаго, и межъ кызылбашскою землею, царь бухарской, и турхестанской царь, и казацкой царь, и юргенской царь, и грузинской, и изюрской, и калмыцкой, и шамхейской, и шевкальской, и тѣ всѣ нынѣ съ кызылбашскимъ и межъ себя мирны *съ докладу и совѣту государя нашего*; и во всякихъ большихъ дѣлахъ, съ кѣмъ кому дружба ли или недружба станется, пишутъ о томъ и *докладываютъ* государя нашего; а о чемъ къ нимъ государь нашъ отпишетъ или *прикажетъ*, и они въ томъ передъ государемъ нашимъ *во всемъ послушны бывають*, и пословъ частныхъ къ государю нашему присылають съ великими поминки и почестливостью“. Черезъ четыре года послѣ того, послу императора германскаго къ московскому двору объявлялось уже не менѣе того, что „бухарской Абдула царь, и юргенской царь, и изюрскій царевичъ, *всѣ въ государя нашего волю*“. Очень можетъ быть, что, въ свою очередь, и знаменитый Абдулахъ, грозный и могущественный властитель странъ по теченію Сыра и Аму (котораго звали у насъ „бухарскій Абдула царь“) тоже сказывалъ посламъ „великаго-могола“, что „царь московскій во всемъ ему докладывается и состоитъ въ полной его, Абдулаха, волю“. Впрочемъ, всѣ извѣстные намъ случаи хвастовства, на которое указываемъ, относятся исключительно къ царствованію Ѳедора Ивановича, почему, пожалуй, и слѣдуетъ считать это хвастовство не общиною принадлежностію нашей дипломатіи XVII вѣка, а послѣдствіемъ того вліянія на дѣла управленія, какимъ пользовался при Ѳедорѣ — Годуновъ, татаринъ по происхожденію, слѣдовательно дипломатъ въ татарскомъ духѣ по преимуществу.

Что касается до второй задачи — удерживать соотѣдныхъ кочевниковъ отъ набѣговъ на русскія селенія — то въ XVI и XVII столѣтіяхъ знали у насъ очень хорошо, что эта задача неосуществимая для центральнаго правительства, почему оно и не мѣшало въ это дѣло, предоставляя его пеграничнымъ воеводамъ. Единственнымъ, сколько извѣстно, исключеніемъ изъ этого правила было проведеніе, для защиты поселеній на лѣвомъ берегу Камы отъ набѣговъ башкирцевъ, киргизовъ и калмыковъ, ряда валовъ засѣкъ и укрѣпленій, отъ пригорода Бѣлаго-Яра на Волгѣ до рѣки Ика за Мензелинскомъ, ряда, получившаго на-

званіе „Закамской-Линіи“. Что же касается до воеводъ, то они, при удобныхъ случаяхъ, дѣйствуя силами самихъ же ограбленныхъ, отплачивали кочевникамъ за причиненныя ими опустошенія не меньшимъ разореніемъ ихъ собственныхъ ауловъ. Такое положеніе вещей естественно вызывало къ существованію казачины, и казачина развилась какъ на сибирской границѣ, такъ по Тереку и по Яику. Служа оплотомъ отъ хищничества кочевниковъ, казачина, въ то же время, дѣйствовала и наступательно, не только противу нихъ, но иногда и противу осѣдлыхъ владѣній Средней-Азіи, какъ свидѣлствуется это смѣлыми попытками яицкихъ казаковъ овладѣть Хивой. Благодаря казакамъ, русское имя продолжало оставаться грознымъ въ Средней-Азіи, помимо какихъ-либо мѣръ къ тому со стороны центральнаго правительства, и оно, дорожа услугами ихъ и заслугами, имѣло благо-разуміе смотрѣть сквозь пальцы на то, что полезное орудіе это не всегда было орудіемъ послушнымъ и покорнымъ.

Естественныя произведенія Россіи, требовавшіяся Азіею, искони привлекали въ нее торговцевъ этой-последней. Когда пали Казань и Астрахань, черезъ которые шла торговля Россіи съ Востокомъ, явились къ Грозному послы изъ Самарканда, Бухары и другихъ мѣстъ, прося „дороги гостемъ“. Торговныя сношенія съ Среднею-Азіею были выгодны для Россіи, и потому „дорога гостемъ“ была открыта охотно. Но у насъ понимали въ то время, что еще выгоднѣе было бы если-бы азіатскими товарами намъ нужными могли мы запасаться закуная ихъ на мѣстахъ производства посредствомъ своихъ, русскихъ, торговцевъ. Потому цари московскіе оказывали всевозможное покровительство тѣмъ изъ своихъ подданныхъ, которые рѣшались проникнуть на средне-азіатскіе рынки черезъ отдѣлявшія ихъ отъ насъ негостепріимныя степи, наполненныя хищниками. Стремленіе обезпечить русскому купечеству, забиравшемуся въ Среднюю-Азію, тѣ-же права и удобства какими пользовались среднеазіатскіе торговцы въ Россіи, и было главнѣйшею причиною вызывавшею, въ XVII столѣтіи, посольства къ среднеазіатскимъ владѣльцамъ съ нашей стороны. Требованіе отпуска находившихся тамъ въ неволѣ русскихъ плѣнниковъ присоединялось къ тому лишь въ видахъ чело-вѣколюбія, и плѣнники, какіе возвращались на Русь съ нашими послами, были получаемы ими не даромъ, а выкупаемы за деньги. Другою цѣлію посольствъ было пріобрѣтеніе вѣрныхъ свѣдѣній о политическомъ положеніи тѣхъ странъ, куда они отправлялись,

такъ-какъ на достовѣрность извѣстій объ этомъ предметѣ, получавшихся черезъ торговцевъ оттуда, не всегда можно было полагаться.

Если не двигались впередъ дѣла наши за Волгою, обильное вознагражденіе тому находило государственное самолюбіе наше въ постоянномъ успѣхѣ съ какимъ распространялось владычество русское надъ бродячими и пастушескими инородцами Сибири. Не далѣе какъ въ 1640-хъ годахъ стали мы укрѣпляться уже на Амурѣ. Движеніе это привело насъ въ соприкосновеніе съ кочевниками Срденей-Азіи съ другой стороны, уже не съ запада, а съ сѣвера, и здѣсь, повидимому, встрѣчала насъ большая удача: одинъ за другимъ разные мелкіе роды тюркского и монгольского племени вступали добровольно въ наше подданство; въ 1636 году поддался Россіи уже и значительный владѣлецъ урянхайскій Алтынъ-ханъ. Но, какъ, первый изъ европейскихъ писателей, замѣтилъ покойный китаецъ нашъ, отецъ Іакинъ Бичуринъ, „подданство считаютъ кочевые торгомъ совѣстію, въ которомъ предполагаютъ выиграть по крайней мѣрѣ 400 на 100; по сему, когда находятъ благопріятный къ тому случай, то еще соперничаютъ въ готовности изъяснять подданическое усердіе; но если бывають обмануты въ надеждѣ (выиграть 400 на 100), то ухищряются мстить набѣгами, хищничествомъ и убійствомъ“. Поэтому и сказали мы что удача наша въ приобрѣтеніи покорности кочевниковъ на южныхъ предѣлахъ западной Сибири была лишь видимая: въ сущности всѣ изъясненія подданства съ ихъ стороны были обманомъ, которымъ надѣялись они тянуть отъ насъ подарки и извлекать другія выгоды. Это понимали очень хорошо и въ Москвѣ, ибо еще въ 1623 году предписано было не пропускать туда калмыцкихъ и урянхайскихъ посольствъ; но придворное тщеславіе, услаждавшееся явкою такихъ посольствъ съ мнимою покорностію, брало свое, и комедія приведенія кочевниковъ къ присягѣ на подданство, несмотря на полное сознаніе что это не болѣе какъ комедія, продолжала пользоваться постояннымъ успѣхомъ на дипломатической сценѣ нашей, какъ въ продолженіе XVII вѣка, такъ и до послѣдняго времени.

Несмотря на быстрый политическій ростъ Русскаго государства, съ Крымскою ордою не могли мы справиться не только въ XVII-мъ, но до самаго конца XVIII вѣка. Это извѣстно всѣмъ и каждому. Но едва-ли многіе знаютъ, что въ XVII столѣтіи Россія подвергалась опасности новаго нашествія монголовъ, новой

съ ними борьбы. Дѣло въ томъ, что прежде сильный, а потомъ ослабленный, союзъ джунгарскихъ монголовъ, извѣстныхъ у западныхъ ихъ сосѣдей подъ именемъ калмыковъ, у себя-же дома носившій имя Ойратъ, сталъ, съ начала XVII столѣтія, снова приходить въ силу, и между владѣльцами джунгарскими едва-ли не родилась мысль возстановить древнее царство Чингиса въ прежнемъ его объемѣ и величіи. [По крайней мѣрѣ видимъ, что тогда какъ глава сильнѣйшаго между калмыками рода Чжорось, знаменитый Баторъ-Хунтайцзи стремится сплотить ойратство единствомъ составленнаго имъ уложенія, глава другого рода, Хошотовъ, Гуши-ханъ, уходитъ, съ частію своихъ подданныхъ, на юго-востокъ, къ Хухунору, и основываетъ тамъ независимое владѣніе, а затѣмъ приобрѣтаетъ верховную власть и надъ Тибетомъ; глава-же рода Торготъ, Хо-Урлукъ, двигаясь съ Иртыша къ вершинамъ Тобола и Эмбы, оттѣсняетъ киргизъ-казаковъ къ югу, покоряетъ затѣмъ считавшихся подданными нашими ногаевъ, покоряетъ туркменовъ на Мангышлакѣ, и наконецъ, около 1736 года, переходитъ черезъ Яикъ, обходитъ Астрахань, и располагается съ ордою своею по обоимъ берегамъ волжскаго низовья, какъ завоеватель, нисколько не испрашивая согласія русскаго правительства на такое водвореніе въ русскихъ предѣлахъ.] Такимъ образомъ, монголы, въ самый короткій промежутокъ времени, снова сдѣлались повелителями странъ отъ Сибири до Индіи и отъ Кянтая до Кавказа. Орда Хо-Урлукова простиралась до 50,000 кубитокъ, и могла выставить въ поле до 30,000 хорошо вооруженныхъ всадниковъ, а за нею тянулись, въ томъ же направленіи къ Волгѣ, толпы другихъ калмыковъ. Монголы Батыевы вторглись въ Россію можетъ быть не въ большомъ числѣ ратниковъ, и если положеніе Россіи въ это время было не таково какъ въ XIII вѣкѣ — въ ней царило самодержавное единовластіе — все-же представлялось оно крайне затруднительнымъ; ранніе смутнаго времени далеко не были еще залѣчены, народонаселеніе истощено и въ физическомъ, и въ экономическомъ отношеніи, казна государственная пуста, преданность казаковъ не надежна, боевая стойкость стрѣльцовъ и другихъ ратныхъ людей сомнительна, миръ со Швеціею и Польшею хотя и заключенъ, но нагрянь бѣда на Русь съ востока, и шведы, и поляки обрушились бы на нее снова. Помогло намъ то, что въ калмыкахъ и ихъ предводителяхъ не было ни духа, ни дисциплины чингисовыхъ ратей; почему они удовольствовались сдѣланными приоб-

рѣшеніями, и, засѣвъ на Волгѣ, ограничивались грабежами въ окрестностяхъ и набѣгами на Астрахань, въ битвѣ съ защитниками которой и погибъ Хо-Урлукъ, по одному сказанію, въ 1643 году. Выжить калмыковъ изъ занятыхъ ими пространствъ не представлялось средствъ; оставалось потому признать совершившійся фактъ, и лишь стараться прикрыть неприглядность его для чести нашей, обращеніемъ незваныхъ гостей, хотя-бы по имени только, въ подданныхъ, что, при податливости кочевниковъ на эту продѣлку, и было достигнуто. Въ 1655 году, послы Шукуръ-Дайчина, сына и преемника Хо-Урлукова, клялись уже царю Алексѣю Михайловичу въ вѣрности калмыцкаго народа на вѣчное Россіи подданство. Какъ мало дѣйствительнаго значенія имѣло это подданство, видно изъ того, что Шукуръ-Дайчинъ и его преемникъ нѣсколько разъ послѣ того входили въ новыя съ русскимъ правительствомъ договоры, не платили ему ни копѣйки, а напротивъ съ него брали дань въ видѣ постоянного „жалованья“, продолжали считать себя по-прежнему членами ойратскаго союза, находились въ постоянныхъ сношеніяхъ съ Джунгарією, Тибетомъ и даже Китаемъ, вступали въ управленіе народомъ безъ царскаго на то утвержденія, принимали къ себѣ новыхъ выселенцевъ изъ Джунгаріи или отпускали туда обратно цѣлыя тысячи народа безъ вѣдома и согласія Москвы, а въ 1712 году, ханъ Аюка, уже съ вѣдома и согласія нашего правительства, принималъ у себя посла къ нему отъ китайскаго императора, когда ни одного еще китайскаго посольства не удостоились видѣть въ столицѣ своей сами цари русскіе. Словомъ, живя въ русскихъ предѣлахъ, калмыцкіе ханы держали себя не какъ подданные, а какъ союзники Россіи, и дѣйствительно подданными нашими сдѣлались калмыки, наравнѣ съ другими инородцами въ предѣлахъ имперіи, лишь съ 1780-хъ годовъ, одновременно съ присоединеніемъ къ ней крымскаго ханства.

Подъ конецъ московскаго періода пришли мы и въ соприкосновеніе съ Китаемъ. Привели насъ въ это соприкосновеніе успѣшныя дѣйствія казаковъ сибирскихъ на Амурѣ, безпокоившія китайское правительство. Завести торговлю съ Китаемъ черезъ Монголію хотѣлось намъ, впрочемъ, давно уже. Для установленія правильныхъ торговыхъ сношеній съ этимъ великимъ государствомъ и отправлено было Алексѣемъ Михайловичемъ, въ 1654 году, первое отъ насъ посольство въ Пекинъ. За этимъ посольствомъ послѣдовали и другія, не болѣе удачныя. Успѣхи наши на Амурѣ

кончились, какъ извѣстно, тѣмъ, что мы, безо всякой въ томъ надобности, уступили Китаю, по нерчинскому трактату 1689 года, никогда не принадлежавшее имъ лѣвое побережье Амура, и такимъ образомъ болѣе чѣмъ на полтора вѣка закрыли для себя удобнѣйшій для насъ путь къ Восточному-Океану. И добро-бы къ такой убыточной уступкѣ вынудило насъ, при крайней слабости оборонительныхъ и наступательныхъ средствъ нашихъ въ Сибири, опасеніе пріидти въ вооруженное столкновеніе съ манчжурами, которые только-что покорили Китай, и, управляемые умнѣйшимъ политикомъ своего времени, императоромъ Канси, находились еще въ полномъ разгарѣ воинственности, — хотя и этого рода опасеніе было бы не совсѣмъ основательнымъ, въ виду тѣхъ огромныхъ, относительно, усилій какихъ стоило манчжурамъ покореніе ничтожнаго Албазинскаго острога; а то причиною заключенія нерчинскаго договора приходится считать торопливость завести немедленно торговлю съ Китаемъ, точно безъ этой торговли мы существовать не могли, и не была она для китайцевъ болѣе выгодна и желательна, чѣмъ для насъ самихъ. Вопросъ: почему вообще неудачно велись дѣла наши съ китайцами, любятъ объяснять у насъ вмѣшательствомъ іезуитовъ. Гораздо проще разрѣшается онъ общою аксіомою, что знаніе сильнѣе невѣжества, а у насъ, ни въ Москвѣ, ни въ Петербургѣ, никогда не знали слабыхъ сторонъ Китая, и не умѣли оцѣнить тѣхъ выгодныхъ обстоятельствъ, въ какихъ не разъ находились мы по отношенію къ этой державѣ вслѣдствіе положенія ея дѣлъ въ Монголіи и Джунгаріи, а потому не въ состояніи были и воспользоваться этими обстоятельствами. Смышленные китайцы видѣли съ кѣмъ имѣютъ дѣло, ломались и настаивали на своемъ.

Презирать свой народъ можетъ лишь тотъ, кто въ самомъ себѣ не сознаетъ никакихъ достоинствъ. Если Петру-Великому дѣйствительно удалось совершить много великаго, то это потому что вѣрилъ онъ въ русскій народъ, что мѣрилъ силы его по мощи собственнаго своего духа. Мощь эту проявилъ нашъ преобразователь и въ замыслахъ относительно Средней-Азіи. Къ завоеваніямъ въ ней онъ не стремился; манили его другія идеи: 1) положить русскому купечеству черезъ степи ея дорогу къ сокровищамъ Индіи, которыми, зналъ онъ, обогащались, проникавшіе туда морями, пріятель его голландцы и другіе западноевропей-

скіе народы; и 2) привлечь въ Россію то золото, которое, какъ доходило до него слухи, промывалось громадами на рѣкѣ при городѣ Иркети, среднеазіятскомъ Эльдорадо, странѣ о которой сказывали что лежитъ она во владѣніяхъ калмыцкаго контайши, гдѣ-то на югъ отъ Сибири и къ востоку за Бухарою. Несмотря на такую неопредѣленность свѣдѣній о мѣстоположеніи Иркети и дороги изъ Бухаріи въ Индію, Петръ не задумался надъ возможностью проложить путь туда для своихъ подданныхъ *вооруженною рукою; не завоевывая однако при этомъ странъ черезъ которыя шелъ предполагавшійся путь.* Это была гениальнѣйшая комбинація, которой до сихъ поръ не отдана должная справедливость біографами великаго императора, потому что не въ состояніи были оцѣнить ее по достоинству сами біографы, незнакомые съ исторіею Востока. Осуществимость этой комбинаціи основывалась на глубокомъ пониманіи тогдашняго политическаго положенія странъ Средней-Азіи, кажимъ, должно сказать къ сожалѣнію, Петръ обладалъ первый и послѣдній изъ нашихъ государственныхъ дѣятелей XVIII вѣка. Черезъ посольства изъ Хивы, явившіяся въ Москву, еще въ самомъ началѣ того вѣка (въ 1700 и 1703), съ предложеніями отъ хановъ ея о подданствѣ, и изъ другихъ источниковъ, извѣстно было Петру что хивинскіе и бухарскіе ханы такъ мало были дѣйствительными владыками своихъ подданныхъ, такъ „бѣдствовали“ отъ нихъ, по мѣткому выраженію самого Петра, что для подчиненія ихъ себѣ приняли-бы охотно всякую помощь извнѣ. На основаніи этихъ данныхъ и рѣшился онъ послать въ Хиву и Бухару военный отрядъ значительной силы (до 5000 человекъ); часть этого отряда предводитель его долженъ былъ оставить при хивинскомъ и бухарскомъ ханахъ, въ видѣ гвардіи, которая-бы обеспечивала имъ покорность ихъ подданныхъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, личную зависимость ихъ отъ Россіи, а затѣмъ озаботиться развѣдкой пути до Индіи и Иркети, и отправкою туда русскаго торговаго каравана. Затѣмъ эта, по тогдашнему положенію дѣлъ въ Средней-Азіи, несколько не была рискованною, и могла-бы увѣнчаться полною удачею, не испорти государь всего дѣла возложеніемъ его на князя Бековича-Черкаскаго. Петру тогда, какъ и многимъ въ настоящее время, естественно могло думаться, что въ дѣлахъ съ хитрыми азіятцами всего лучше употребить хитраго же, но вполне преданнаго ему „восточнаго человека“. Это было великою ошибкою. Чтобы успѣть въ дѣлахъ съ азіятами, надо именно отка-

заться отъ всякой хитрости, и поручи государь задуманное имъ предпріятіе кому-либо изъ русскихъ людей, способныхъ и рѣшительныхъ, въ родѣ Котляревскаго или Чернышева, они бы выполнили его на славу. Черкасскій-же, съ азіатскою хитростію своею, дался въ обманъ, и погубилъ, какъ извѣстно, и себя, и сподвижниковъ своихъ, безо всякой пользы для дѣла. Другая экспедиція къ Иркети изъ Тобольска, подъ начальствомъ капитана Бухгольца, тоже не достигла цѣли, потому что и достигнуть ея нельзя было, но повела, по крайней мѣрѣ, къ прочному водворенію русскихъ на Иртышѣ. Замѣчательно, что, со свойственною ему проницательностію и грандіозностію замысловъ, Петръ умѣлъ оцѣнить и мысль объ обращеніи Аму-Дарьи въ старое русло ея къ Каспійскому Морю, мысль, неосуществившуюся при немъ за гибелью Черкаскаго, и до сихъ поръ остающуюся въ видѣ проекта. По отношенію къ Китаю, слѣдовалъ онъ близорукой торговой политикѣ стараго московскаго двора, но, можно думать, что еслибы прожилъ долѣе, то и тутъ прозрѣлъ бы въ суть дѣла, ибо въ концѣ царствованія своего (въ 1722 году) отправилъ посломъ отъ себя къ калмыцкому контайшѣ Цеванъ-Рабтану капитана Унковскаго, съ цѣлію разузнать точнымъ образомъ о положеніи дѣлъ въ Джунгаріи: стало-быть важность этого предмета для русскихъ интересовъ начинала уже выясняться въ его всеобъемлющемъ умѣ.

При преемникахъ и преемницахъ Петра-Великаго прониклись передовые русскіе люди такимъ глубокимъ неуваженіемъ ко всему своему прошлому, и съ такимъ усердіемъ устремились усваивать себѣ, безъ разбора, всякую западную европейщину, что въ скоромъ времени совершенно забыли про все, что знали прежде, въ томъ числѣ утратили и всякое знаніе, всякое пониманіе Азіи, которыми обладала московская Русь. По невѣжеству относительно всего касавшагося до Азіи вообще и средней въ особенности, достигли они вышней своей цѣли — сдѣлались настоящими европейцами, которые ни о кочевой жизни, ни о стѣнныхъ обстоятельствахъ, никогда никакого понятія не имѣли. Независимо отъ того, и въ службу русскую набилось множество иноземцевъ съ Запада, и пришлецы эти употреблялись безразлично, какъ по нашимъ европейскимъ, такъ по внутреннимъ и азіатскимъ дѣламъ. Естественно, что при такихъ условіяхъ политика наша по отношенію

къ Средней-Азіи въ теченіе XVIII столѣтія должна была сильно понизиться въ уровнѣ противъ таковой же политики не только XVI, но даже и XVII вѣка, съ немалымъ отъ того ущербомъ, какъ для интересовъ русскаго народа, такъ и для достоинства самого правительства.

Петръ, замѣчено сейчасъ, началъ уже было вникать въ джунгарскія обстоятельства, изъ вѣрнаго пониманія которыхъ могли быть извлечены нами огромныя выгоды по отношенію къ Китаю. Умѣй мы маневрировать искусно въ продолженіе борьбы завязавшейся у маньчжуровъ съ калмыками, мы могли-бы вынудить пекинский дворъ ко всевозможнымъ уступкамъ на пользу нашей торговли, къ исполненію всякихъ исполнимыхъ желаній нашихъ (въ родѣ допущенія русскаго консула въ Пекинъ, и т. п.); могли-бы пробраться даже, по мысли Петра, и до самой Иркутки (Яркани, Аркенда). Къ сожалѣнію, значеніе джунгарскихъ дѣлъ для нашихъ интересовъ было, по кончинѣ великаго государя, упущено изъ виду, и мы, въ переговорахъ съ китайцами, являлись не въ роли требовательныхъ займодавцевъ, а въ роли низкопоклонныхъ должниковъ, что нигдѣ и никогда не вело къ успѣху. Вмѣсто того, чтобы поддерживать калмыковъ, на сколько соотвѣтствовало то нашимъ государственнымъ выгодамъ, равнодушно допустили мы маньчжуровъ раздавить этотъ сосѣдній намъ народъ, и угодливостъ нашу передъ завоевателемъ Джунгаріи, надмѣннымъ Цяньлуномъ, простерли до такой степени, что когда послѣдній боецъ за независимость родины, неутомимый Амурсана, вынужденъ былъ укрыться въ предѣлахъ Сибири и умеръ тамъ отъ оспы, власти сибирскія, для удостовѣренія пекинскаго двора въ дѣйствительности его гибели, дважды возили трупъ державнаго несчастливца на границу Китая. Разъ-же допустивши Джунгарію до паденія, не могли уже мы, если-бы и хотѣли, добиться чего-либо отъ Китая, и волею-неволею должны были, въ сношеніи съ китайцами, подчиняться всякимъ ихъ прихотямъ. Еще болѣе выносили голландцы въ Нагасаки отъ надмѣнности японцевъ, такъ, по крайней мѣрѣ, было изъ-за чего; наша-же торговля съ китайцами, въ позорномъ видѣ выставяя народный нашъ характеръ, являлась, съ тѣмъ вмѣстѣ, и невыгодною въ государственномъ смыслѣ: русскіе товары постоянно почти доставлялись китайцамъ по цѣнамъ не оплачивавшимъ ихъ производства, а за китайскіе товары русскимъ ихъ потребителямъ столь же постоянно приходилось платить въ три-дорога. Причины тому

заклучались, какъ извѣстно, въ отсутствіи у купечества нашего, торговавшаго съ Китаемъ, духа товарищества и сознанія солидарности въ поведеніи его членовъ, тогда-какъ китайскіе торговцы отличались, напротивъ, единодушіемъ и примѣрною дружестію дѣйствій. Положимъ, что устраненіе этихъ причинъ лежало внѣ власти нашего правительства: такъ къ чему же были тогда всѣ хлопоты его о поддержаніи торговаго, который, принося убытокъ государству и подрывая кредитъ русскаго имени въ Азіи, служилъ къ предосудительной наживѣ лишь небольшого числа лишенныхъ всякаго патріотизма тузовъ и мелочниковъ? Замѣтимъ также что, по неумѣнію вести дѣло, мы сами отказались отъ предоставленнаго намъ нерчинскимъ и подтвержденнаго буринскимъ (1727 г.) трактатами права посылать торговые караваны въ Пекинъ, и сами сѣзуили торговлю нашу съ Китаемъ ограничившись производствомъ ея въ одной порубежной Кяхтѣ. Оставалось за нами право, котораго не имѣло ни какое другое европейское государство, право держать постоянно въ Пекинѣ русскую духовную миссію; но миссія эта, единственною причиною существованія своего имѣвшая поддержаніе православія въ окитаившемся потомствѣ плѣнныхъ защитниковъ Албазина, по образованію и характеру членовъ своихъ не способна была соперничать съ учеными и ловкими іезуитами, и никогда никакого вліянія на ходъ нашихъ коммерческихъ или другихъ дѣлъ въ Китаѣ не обнаруживала и обнаруживать не могла.

Не лучше чѣмъ на южно-сибирской, велись дѣла наши, въ XVIII столѣтіи, и на завожской границѣ Россіи. Царствованіе императрицы Анны Ивановны ознаменовано было — читаемъ въ учебникахъ отечественной исторіи — добровольною покорностію, дотолѣ враждебною намъ, многочисленной орды Киргизъ-кайсацкой. Случилось это въ 1734 году. Въ Петербургѣ очень радовались такому событію, припоминая что самъ Петръ-Великій былъ (будто-бы) того мнѣнія, что „хотя она орда народъ степной и легкомысленный, токмо всѣмъ азіатскимъ странамъ и землямъ ключъ она и врата“, ибо, по-европейски судя, полагали, что черезъ принятіе подданства нашего однимъ изъ киргизъ-кайсацкихъ хановъ, повернули мы этимъ ключомъ и вступили въ тѣ вождѣнныя врата, за которыми открывались намъ сокровища Индіи. Вслѣдствіе этого, собирались уже мы завести флотилію на Аральскомъ Морѣ, и отпирать караваны въ Ташкентъ, Бухарію и далѣе. На дѣлѣ вышло не совсѣмъ то. От-

крылось зрѣлище другаго рода, едва-ли виданное до тѣхъ поръ на памяти исторіи — отъ новыхъ подданныхъ своихъ нашлись мы вынужденными ограждать себя линіями крѣпостей съ многочисленными гарнизонами, тогда-какъ дотолѣ граница противу нихъ была открытая. Произошло это отъ того, что у насъ забыли про вышеприведенную аксіому: „принятіе подданства разсматривается кочевниками какъ сдѣлка, ни къ чему ихъ необязывающая, но на которой рассчитываютъ они выиграть четыреста на сто; за неудачу же въ этомъ расчетѣ мстятъ набѣгами и хищничествомъ“. Мы приняли слова за дѣло, и, разумѣется, должны были испытывать послѣдствія такой непрозорливости: новые подданные оказались злѣйшими врагами, такъ что въ теченіе почти цѣлаго столѣтія всѣ усилія правительства обратить ихъ къ покорности, усилія стоившія не дешево, оказывались совершенно безплодными. Изъ-за линій нашихъ на Якѣ (Уралѣ) и Иртышѣ, во весь этотъ періодъ, не подвинулись мы почти ни на шагъ вглубь киргизскихъ степей, и считали великимъ счастьемъ если обитатели ихъ не прорывались сквозь эти линіи, не разоряли нашихъ селеній, и не увлекали жителей ихъ въ неволю. Задача приручить кочевниковъ, сильныхъ численностію, защищаемыхъ безмѣрностію и безплодіемъ ихъ степей, хитрыхъ, алчныхъ къ добычѣ, страстныхъ къ дикой свободѣ, была конечно задачею не легкою, но все-таки исполнимою, ибо была же она наконецъ разрѣшена нами. Такимъ образомъ, если до разрѣшенія этой задачи проблизь мы безплодно около сотни лѣтъ, выходить, не умѣли мы взяться за нее. И дѣйствительно, исторія подходовъ нашихъ къ обращенію киргизовъ изъ номинальныхъ подданныхъ въ дѣйствительные представляется въ высшей степени комичною, по несообразности съ цѣлію и непрактичности употребившихся для того мѣръ, несообразности и непрактичности вытекавшихъ изъ полнѣйшаго незнакомства заправлявшихъ этимъ дѣломъ не только со страстями кочевниковъ и пружинами приводящими ихъ въ дѣйствіе, но даже съ языкомъ ихъ, религіею, понятіями и правами: разумѣется, что при такихъ условіяхъ чуть не каждый шагъ нашъ долженствовалъ быть промахомъ.

Какихъ размѣровъ были эти промахи, можно судить по немногимъ слѣдующимъ указаніямъ. Мы вообразили, что киргизы тождественны этнографически съ нашими поволжскими татарами, и потому сто-двадцать лѣтъ всю перенеску съ ними вели на татарскомъ языкѣ, въ полной увѣренности, что относимся къ кир-

гизамъ на ихъ родномъ, вполне понятномъ имъ нарѣчій, тогда какъ это было то же что писать испанцамъ по-итальянски, или итальянцамъ по-испански, сербамъ по-польски, или полякамъ по-сербски. Еще худшими послѣдствіями сопровождалось другое наше недоразумѣніе, будто киргизы — магометане, тогда какъ въ прошломъ столѣтіи почти всѣ они были шаманистами и остаются значительною частію таковыми и до сихъ поръ. Въ эпоху номинальнаго присоединенія этого народа къ Россіи, только немногіе изъ хановъ и султановъ его имѣли смутное понятіе о догматахъ ислама и исполняли кое-какіе изъ его обрядовъ; ни одной мечети не существовало еще въ степяхъ киргизскихъ, ни одинъ мулла не отправлялъ еще тамъ общественнаго мусульманскаго богослуженія. И если съ тѣхъ поръ киргизы дѣйствительно въ значительной степени омуслиманились, такъ благодаря тому единственно что мы принимали ихъ за мусульманъ, что мы относились къ нимъ какъ къ мусульманамъ. Неопровержимымъ свидѣтельствомъ что мусульманская пропаганда, въ томъ или другомъ видѣ, шла въ степи киргизскія со стороны Россіи, служить то обстоятельство, что омуслиманились въ особенности киргизы обитающіе по соседству съ нашими линіями, тогда какъ древній, исконный шаманизмъ сохраняется и до настоящаго времени преимущественно между тѣми изъ нихъ которые кочуютъ по близости къ хивинскимъ, бухарскимъ и бывшимъ коканскимъ предѣламъ, т. е. къ настоящимъ мусульманскимъ странамъ. Въ чисто-же политическомъ отношеніи самою важною нашею ошибкою была та, что на хановъ киргизскихъ смотрѣли мы какъ на европейскихъ государей, а на султанство — какъ на какую-то феодальную аристократію, вслѣдствіе чего полагали, что если ханы и султаны будутъ на нашей сторонѣ, то покоренъ будетъ нами и народъ, почему ласкали хановъ и султановъ, прикармливали, дарили, и только съ ними одними носились и якшались. Между тѣмъ нигдѣ въ мірѣ главы народа и аристократія по происхожденію не имѣли такъ мало значенія, такъ мало дѣйствительной силы, какъ ханы и султаны у киргизовъ. Если кто-либо изъ нихъ и достигалъ вліянія, такъ что могъ увлекать за собою толпы, то достигалъ этого не въ силу своей „бѣлой кости“, а въ силу личныхъ достоинствъ; но личными достоинствами точно такое же вліяніе пріобрѣтали между своими и простые киргизы, „черная кость“.

Самыя рѣшительныя изъ попытокъ измѣнить странныя отношенія между киргизами и Россіею, существовавшія съ принятія

ихъ въ подданство, сдѣланы были въ царствованіе императрицы Екатерины II. Намѣренія ея были благія, но осуществленіе ихъ не удалось, какъ потому что великая государыня стремилась къ невозможному еще по времени и обстоятельствамъ, такъ и потому, что мѣры, которыя приняты были для приведенія намѣреній ея въ исполненіе, отличались идилическимъ европеизмомъ и, вмѣстѣ, непроходимымъ бюрократизмомъ. По взгляду на киргизовъ, какой установился на нѣкоторое время въ Петербургѣ, это были простодушные, невѣжественные пастушки, которые не ѣли хлѣба потому что вкуса въ немъ не знали, не занимались земледѣліемъ потому что приняться за него не умѣли, давали скоту своему гибнуть отъ бурановъ потому что не вѣдали о существованіи хлѣвовъ, мерзли сами зимою въ войлочныхъ кибиткахъ потому что съ плотничнымъ ремесломъ знакомы не были, и если предавались иногда грабежамъ, то не иначе какъ вызываемые къ тому всякими несправедливостями и притѣсненіями какимъ подвергались отъ казаковъ нашихъ и вообще русскаго народонаселенія на уральской, оренбургской и иртышской линіяхъ. Сообразно съ такимъ взглядомъ, повелѣно было приучать киргизовъ къ употребленію хлѣба, давать имъ уроки сѣнокошенія, строить сараи гдѣ бы зимовалъ ихъ скотъ, и дома гдѣ бы сами они проживали; запрещено высылать военные отряды въ степь для наказанія хищниковъ; отпущены значительныя суммы для постройки на линіяхъ мечетей и при нихъ школъ и караванъ-сараевъ, съ тѣмъ чтобы школьники-киргизы получали ежедневно кормовыя деньги, а отцы ихъ привлекаемы были къ отдачѣ дѣтей въ школы подарками, похвальными листами и тому подобнымъ; рѣшено наконецъ распространить на киргизовъ дѣйствіе „Учрежденія для управленія губерній“, подготовивъ ихъ къ тому предварительно устройствомъ: въ Оренбургѣ — пограничнаго суда, гдѣ бы киргизы засѣдали вмѣстѣ съ русскими, а въ степи — судебныхъ расправъ, подвѣдомственныхъ этому суду, изъ однихъ киргизскихъ членовъ (безграмотныхъ), съ писмоводителями изъ муллъ (татарскихъ), которые должны были соблюдать всѣ порядки установленные для дѣлопроизводства въ присутственныхъ мѣстахъ по „Учрежденію о губерніяхъ“ — помѣчать всѣ вступающія бумаги, вписывать ихъ въ журналы, составлять извлеченія, вести протоколы и настольные реестры, записывать часы присутствія, снимать допросы, сочинять рапорты, сообщенія, предписанія и т. д. все по формамъ даннымъ отъ русскаго начальства. Лица, избран-

ныя въ исчисленныя и другія должности, приведены были къ присягѣ, и утверждены въ званіяхъ своихъ императрицею съ назначеніемъ имъ значительнаго жалованья деньгами и хлѣбомъ. — Большая часть изложенныхъ мѣръ приведена была въ исполненіе; но, какъ и слѣдовало ожидать, киргизы не могли ни понять, ни оцѣнить такой попечительной о нихъ заботливости: не хотѣли, ни селиться въ выстроенныхъ для нихъ избахъ, ни учиться въ учрежденныхъ для нихъ школахъ, ни молиться въ возведенныхъ ради ихъ мечетяхъ, ни судиться и разбираться въ устроенныхъ для нихъ управахъ (одни только члены послѣднихъ ѣздили аккуратно въ Оренбургъ за полученіемъ назначеннаго имъ жалованья), и продолжали, по-прежнему, усобищаться между собою и дѣлать грабительскіе наѣзды на сосѣдей. Пришлось, по необходимости, отказаться отъ пріятной надежды водворить порядокъ въ степяхъ посредствомъ такой панацеи, какъ „Учрежденіе о губерніяхъ“, оставить всякія попытки къ цивилизованію полу-дикарей, прикармливая ихъ и пригрѣвая, и не только отмѣнить распоряженіе о непреслѣдованіи хищниковъ вооруженною рукою, но и усилить мѣры справедливаго возмездія, разрѣшеніемъ захватывать родственниковъ ихъ и даже сосѣдей.

Но между мѣрами, непрактичными по идиличности ихъ или канцеляризму, была одна вполне мѣткая и вполне соответствовавшая цѣли водворить между киргизами возможное спокойствіе: это — устраненіе главнаго къ тому препятствія, заключавшагося, какъ поняло, наконецъ, правительство, въ ханской надѣ киргизами власти, нисколько, по характеру народному, не обуздывавшей своеволия, а по личнымъ стремленіямъ облакавшихся ею служившая лишь къ возбужденію страстей и неурядицъ. Въ 1786 году, ханъ меньшей киргизской орды, Нурали, былъ, послѣ 37-лѣтняго, вреднаго для Россіи и подвластныхъ его управленія, изгнанъ этими-послѣдними, и кончилъ жизнь въ Уфѣ; правительство-же наше, пользуясь этимъ обстоятельствомъ, сочло полезнѣйшимъ не назначать ему преемника; къ сожалѣнію, рѣшимость эта не была выдержана до конца: въ 1791 году возведенъ былъ императрицею въ ханское достоинство сынъ Нуралиевъ, Ирали, и потянулась, въ отношеніяхъ между Россією и киргизами, опять на десятки лѣтъ, та же предосудительная для насъ и нисколько для самихъ киргизовъ неутѣшительная безтолковщина.

Непокорливость и хищничество киргизовъ огорчали насъ и тѣмъ еще что препятствовали производству торговли нашей

съ осѣдлыми владѣніями Средней-Азіи. Развитіе этой торговли и расширеніе ея до предѣловъ Индіи были постоянными мечтами тогдашнихъ государственныхъ умовъ Россіи обращавшихъ вниманіе на Азію. Преимущественно въ надеждѣ на достиженіе этихъ цѣлей радовались, видѣли мы, и подданству киргизъ-кайсаковъ. Хань ихъ постоянно подтверждали обязательство препровождать торговые караваны отъ насъ туда и обратно въ совершенной безопасности, а подданные ихъ столь же постоянно облагали караваны эти тяжелыми поборами, или подвергали ихъ полному разграбленію. При такихъ условіяхъ, торговля сношенія наши съ Среднею-Азіею процвѣтать не могли, и нерѣдко вовсе прекращались на долгіе сроки. Да и производились они, съ оренбургской линіи, почти исключительно, лишь съ Бухарою и Хивою. Въ видахъ упроченія этихъ сношеній, кокетничали мы даже съ мусульманствомъ — извѣстно, что одно изъ лучшихъ медресе (семинарій) въ Бухарѣ построено на счетъ императрицы Екатерины II, пожаловавшей для того 40,000 рубл. сер. — и предполагалось не разъ основать городъ при устьѣ Сыръ-Дарьи, населивъ его первоначально, по непріютности мѣстоположенія, преступниками приговоренными къ ссылкѣ; но мысль эта никогда съ бумаги въ дѣло не переходила. Съ Хивою могли мы вести торгъ еще изъ Астрахани черезъ Каспійское Море и Туркменскую Степь; но турмены прикаспійскіе, хотя нѣкоторые старшины ихъ тоже присягали на подданство Россіи еще при Петрѣ-Великомъ, по расположенію къ хищничеству ничѣмъ не уступали киргизъ-кайсакамъ, да и хивинцы, памятуя о гибели Бековича, и постоянно опасаясь мщенія за тогдашнее вѣроломство свое, избѣгали сблизаться съ нами съ этой стороны, съ которой считали себя наименѣе безопасными отъ русскаго оружія. Судя по собственнымъ чувствамъ и понятіямъ, они никакъ не могли представить себѣ, чтобы въ Россіи совершенно забыли объ участи нѣсколькихъ тысячъ согражданъ, или умерщвленныхъ мучительно или томившихся въ тяжелой неволѣ. У насъ-же, за другими, важнѣйшими заботами, вовсе не думали о возмездіи, котораго страшились хивинцы, и готовы были протянуть имъ дружескую руку во всякое время: когда иначе (правитель ханства) хивинскій, ослѣпивъ, рѣшился, въ такомъ положеніи, просить, въ 1792 году, русское правительство о присылкѣ къ нему медика-окулиста, желаніе его исполнено было немедленно. Подобной гуманности въ Азіи цѣнить не умѣютъ; снисходительность и долго-

терпѣніе наше принимаемы были не за что иное какъ за слабость; а это, въ соединеніи съ крайнею неумѣlostью нашей по веденію киргизскихъ дѣлъ, надъ которою не могли не насмѣхаться въ Азіи, и съ излишнею любезностію какою оказывалась посольствамъ отъ ничтожныхъ владѣльцевъ ея, если не совѣмъ, то сильно уронило то уваженіе, какимъ со временъ Грознаго пользовалось русское имя на сосѣдномъ Востокѣ. Насъ привыкли считать за людей, которые ничего не понимаютъ, которыхъ можно обманывать въ глаза, которые позволяютъ оскорблять себя безнаказанно. И, надо сознаться, мы заслуженно пользовались такою незавидною репутаціею. Къ концу екатерининскаго царствованія неудовлетворительность познаній нашихъ объ Азіи и проистекавшая отсюда неудовлетворительность дѣйствій признаны были, по видимому, и самимъ правительствомъ: по крайнею мѣрѣ видимъ что для ознакомленія со странами въ бассейнахъ Аму и Сыра посланы были туда въ 1790-хъ годахъ русскіе чиновники изъ Сибири, которые (Бурнашовъ и Поспѣловъ) и доставили весьма любопытныя по тому времени свѣдѣнія о бухарскомъ и ташкентскомъ владѣніяхъ.

Еще менѣе значительна была торговля, производившаяся съ осѣдымъ населеніемъ Средней-Азіи изъ Семипалатинска и Петропавловска на иртышской линіи, куда пробирались иногда купцы изъ Ташкента, Кокана и городовъ Восточнаго Туркестана. Но, должно сказать, что съ самими киргизами скоро установилась у насъ, на новооснованныхъ противу нихъ линіяхъ, мѣновая торговля, весьма важная по своимъ оборотамъ и весьма для насъ выгодная. Эта выгода была единственною, какую приносило номинальное ихъ подданство.

Одновременно съ киргизъ-кайсаками присылали къ императрицѣ Аннѣ депутацію о принятіи ихъ въ подданство, и, разумѣется, приняты были — Каракалпаки, полуосѣдлый, полукочевой народъ, сидѣвшій въ то время по рѣкамъ Сыру и Кувану. Послѣ того, и они объ насъ, и мы объ нихъ, за взаимною необходимостію, позабыли. Замѣтимъ также что въ 1740 году ханство хивинское признано было состоящимъ въ подданствѣ Россіи даже со стороны знаменитаго Надиръ-шаха персидскаго, на томъ основаніи, что ханомъ туда избранъ былъ, и ханствовалъ тамъ нѣсколько дней, присяжникъ нашъ Абуль-Хаиръ, ханъ киргизъ-кайсацкій.

Къ XVIII-му же столѣтію относятся и первыя попытки

наши завязать сношенія съ Японією, отказавшеюся съ 1637 года, какъ извѣстно, отъ всякихъ связей съ христіанскими націями, за исключеніемъ голландцевъ (вслѣдствіи того, что послѣдніе объявили себя нехристіанами). Поводомъ къ тому послужили нѣсколько японцевъ въ 1780-хъ годахъ заброшенныхъ бурей на берега Сибири. Попытки эти не привели ни къ какому результату, кромѣ того что на означенныхъ японцевъ возложено было преподаваніе отечественнаго языка ихъ въ иркутскомъ народномъ училищѣ, съ цѣлю образованія, для сношеній съ Японією, переводчиковъ изъ русскихъ. Японскій языкъ былъ, такимъ образомъ, первый изъ восточныхъ, которому стали обучать у насъ официально.

Новая попытка установить сношенія съ Японією была первымъ дѣломъ нашей среднеазіатской политики въ текущемъ, XIX столѣтіи. Предпринята она была по поводу перваго кругосвѣтнаго плаванія, въ которое пустились русскія суда въ 1803 году, но вмѣсто ожидавшейся оттого пользы, принесла она вредъ, ибо, вслѣдствіе предосудительныхъ дѣйствій нашего посла, окончилась справедливою враждебностію къ намъ японцевъ. Повторены были и опыты сближенія съ Хивою и Бухарою, отправленіемъ посольствъ въ эти владѣнія въ 1819 и въ 1820 годахъ, но единственнымъ плодомъ ихъ было обогащеніе русской и европейской литературъ прекрасными книгами Муравьева, Мейендорфа и Эверсмана. Для поддержанія торговли съ Бухарою терпѣвшей отъ грабежей какъ киргизовъ, такъ и хивинскихъ шаекъ, придумали было посылать туда караваны подъ военнымъ прикрытіемъ; первый опытъ такого вооруженнаго каравана сдѣланъ былъ въ 1824 году, но оказался вполнѣ неудачнымъ: несмотря на военное прикрытіе, снаряженіе котораго обошлось правительству въ 230,000 р. асс., караванъ былъ разграбленъ, и попытокъ такого рода не было уже болѣе повторено. Совершенно безплодны были по послѣдствіямъ и развѣдочныя посылки въ Джунгарію въ 1811 году (Путимцева) и въ Коканское ханство въ 1814 (Назарова). Отношенія къ Китаю отличались китайскою неподвижностію. Такимъ образомъ въ-теченіе первой четверти XIX вѣка политика наша по отношенію къ Средней-Азій была, и по цѣлямъ, и по приемамъ, и по результатамъ, столь же безуспѣшна и мало достойна Россіи, какъ и въ XVIII-мъ. Ни-

какими властолюбивыми замыслами мы не задавались; никого не стремились ни покорять, ни присоединять; всѣ заботы, наши ограничивались скромною цѣлю добиться равноправности въ торговыхъ сношеніяхъ съ мелкими осѣдлыми владѣніями Узбекистана, но и той, несмотря на всѣ старанія, никакъ не удавалось намъ достигнуть. Купцы бухарскіе, хивинскіе, ташкентскіе, коканскіе разѣзжали по всему обширному пространству Россіи какъ у себя дома, въ полной безопасности, закупали русскія произведенія изъ первыхъ рукъ, на мѣстахъ производства, а на свои привезенные къ намъ товары могли, пользуясь отсутствіемъ конкуренціи, устанавливать самыя выгодныя для нихъ цѣны. Наоборотъ русскіе торговцы, вслѣдствіе прижимокъ, притѣсненій, и даже опасности для жизни, какою подвергались они, въ качествѣ христіанъ, въ Бухарѣ и другихъ ханствахъ и бекствахъ Средней-Азій, вынуждены были совсѣмъ отказаться отъ поѣздокъ туда, и если отправляли караваны свои въ тѣ страны, то не иначе, какъ съ прикащиками изъ татаръ, на честность которыхъ не всегда могли полагаться. Да и эти прикащики, въ качествѣ русскихъ подданныхъ, подвергались тамъ уплатѣ, за товары свои, двойной пошлины, не допускаемы были ни въ какія другія мѣста ханствъ кромѣ столичныхъ да тѣхъ которыми пролегала дорога въ эти столичныя, и потому закупки свои должны были, по-необходимости, дѣлать у столичныхъ скупщиковъ, изъ вторыхъ, изъ третьихъ рукъ. Не говоримъ уже объ обязательныхъ для нихъ подаркахъ ханамъ, сановникамъ и даже всякой чиновной мелюзгѣ: случалось нерѣдко и то что весь товаръ отбирали у нихъ на хана, по низкимъ, самымъ имъ произвольно опредѣленнымъ цѣнамъ. Какое правительство въ мірѣ могло бы оставаться равнодушнымъ къ такому положенію вещей, къ такой неправопавности въ ущербъ своимъ подданнымъ? Устраненіе этой неправопавности и было, какъ сказано, главнымъ предметомъ всѣхъ дипломатическихъ сношеній, въ какія входили мы съ среднеазіатскими владѣльцами. Но не переговариваться съ ними, какъ съ равными, слѣдовало намъ, а приказывать, тѣмъ болѣе что мы имѣли полную возможность принудить ихъ къ исполненію нашихъ требованій, нисколько не прибѣгая къ военной силѣ. Среднеазіатцы знали про эту возможность, и тѣмъ не менѣе вели себя противу насъ неуступчиво и даже надмѣнно. Почему? Потому что изъ долговременнаго опыта извѣстно имъ было, что власти наши не воспользуются этою возможностью, не зная о ея существованіи, какъ не знали они и о многихъ

другихъ способахъ дѣйствія, которые могли быть пущены въ ходъ при болѣе основательномъ знакомствѣ съ прошлымъ и настоящимъ восточныхъ странъ и народовъ. Образчикомъ того, какъ слабо вообще было у насъ это знакомство, можетъ служить то, что уже въ 1850-хъ годахъ сибирское вѣдомство обращалось еще къ оренбургскому съ просьбою разъяснить ему что такое „баранта“, тогда какъ терминъ этотъ употреблялся въ официальномъ дѣлопроизводствѣ чуть не ежедневно со времени подданства киргизовъ: значить 120 лѣтъ толковали о томъ чего не понимали ясно.

Не совѣмъ безплодно, по крайней мѣрѣ, прошло царствованіе Александра I-го по отношенію къ дѣйствительному водворенію въ киргизскихъ степяхъ русской власти и благодѣяній гражданскаго порядка. Въ 1810 г. вдвинулись мы глубже въ приуральскія степи, прорѣзавъ отъ нихъ къ оренбургской линіи пространство съ богатѣйшими соляными копами, извѣстное подъ именемъ Илецкаго - Района, и населивъ его русскимъ людомъ; а затѣмъ, убѣдившись долгимъ и дорогимъ опытомъ въ непригодности для киргизовъ и вредности для насъ ханскаго ими управленія, окончательно упразднили ханское достоинство, сначала въ степяхъ сибирскаго, а потомъ и оренбургскаго вѣдомства; управленіе народомъ поручено было тамъ и тутъ избравшимся русскимъ правительствомъ ордынцамъ съ участіемъ или только подъ надзоромъ нашихъ чиновниковъ. Вслѣдствіе этого, въ ближайшихъ къ Иртышу частяхъ киргизской степи казачьи селенія русскія появились, какъ центры административныхъ округовъ, уже съ 1824 года. Около того же времени начата была и топографическая съемка киргизскихъ степей — мѣра, не имѣющая, повидимому, ничего общаго ни съ политикою, ни съ администраціею, но важная для той и другой.

Въ царствованіе императора Николая I мѣры по упроченію за Россіею киргизскихъ степей привели большую часть обитателей ея почти къ совершенной покорности. Въ 1834 году заложено было на восточномъ берегу сѣверной части Каспійскаго Моря укрѣпленіе съ цѣлю препятствовать разбоямъ киргизовъ адаевскаго рода, а въ слѣдующемъ 1835 проведена новая военная линія между рр. Ураломъ и Уемъ, и все пространство, отрѣзанное такимъ образомъ отъ зауральскихъ степей, присоединено, подъ именемъ района Новой-Линіи, къ землямъ оренбургскаго казачьяго войска. Со стороны Сибири, въ степяхъ заиртышскихъ,

продолжалось, между тѣмъ, образованіе округовъ съ русскими селеніями въ ихъ центрахъ. Видя конецъ буйной независимости своей, та часть сибирскихъ киргизовъ, которая не хотѣла примириться съ этою мыслью, стала подъ знамя султана Кенисары Касимова, которому удалось поднять за собою и часть сосѣднихъ оренбургскихъ его единоплеменниковъ. Быстро передвигаясь съ приверженцами своими изъ сибирскихъ степей въ оренбургскія и обратно, въ продолженіе цѣлыхъ шести лѣтъ держалъ онъ въ тревогѣ русскія власти тамъ и тутъ; всѣ усилія разбить его и захватить оказывались напрасными, пока въ 1844 году, преслѣдуемый русскими отрядами, вынужденъ онъ былъ броситься въ кочевья черныхъ или дикокаменныхъ киргизовъ, гдѣ, въ схваткѣ съ ними, и погибъ.

Возстаніе это повело къ тому, что въ слѣдующихъ годахъ, для возможнаго предупрежденія подобныхъ покушеній, возведены были въ восточной части зауральской степи небольшія укрѣпленія на рр. Тургаѣ и Иргизѣ, а затѣмъ явился русскій фортъ (Раимъ) и на устьѣ Сыръ-Дарьи, вслѣдствіе чего явилась возможность ознакомиться ближе и съ Аральскимъ Моремъ, которое до тѣхъ поръ извѣстно было лишь по имени. Въ 1848 и 1849 годахъ, двумя судами, построенными въ Оренбургѣ и перевезенными въ разобранномъ видѣ къ Раиму, произведены были осмотръ и опись означеннаго моря, причемъ, точно въ отдаленныхъ частяхъ океановъ, сдѣланы въ этомъ небольшомъ средиземномъ бассейнѣ географическія открытія — отыскана цѣлая группа значительной величины острововъ, о существованіи которыхъ не подозревали сами прибрежные жители. Такимъ образомъ, не ранѣе какъ черезъ сто пятнадцать лѣтъ осуществлено было, при императорѣ Николаѣ, то, что предполагалось возможнымъ еще при императрицѣ Аннѣ. Мы дѣйствительно добрались наконецъ съ оренбургской линіи до той Сыръ-Дарьи, которая уже на первыхъ печатныхъ картахъ Россіи значилась, гранилась ея противу осѣдлыхъ владѣній Средней-Азіи. Между тѣмъ шло параллельно и съ сибирской стороны какъ дальнѣйшее расширеніе русскихъ предѣловъ внутрь Средней-Азіи, такъ и упроченіе тамъ нашего владычества. Въ 1845 и 1847 гг. нашла выгоднымъ для себя вступить въ дѣйствительное подданство Россіи Большая, или Старшая, киргизская орда, тоже присягнувшая намъ уже въ прошломъ столѣтіи, но болѣе или менѣе зависѣвшая послѣ того отъ ташкентскихъ и коканскихъ владѣльцевъ. Это новое приобрѣте-

ніе заставило насъ, для защиты его отъ сосѣдей, возвести укрѣпленія: съ одной стороны у — подошвы Семирѣченскаго (Копалъ), а съ другой — у подножія Зайлійскаго Алатау (Вѣрное): стали приходить конецъ стенамъ, на крайнемъ юго-востокѣ ихъ разливъ русскаго моря начиналъ бить волнами своими уже въ утесы Тянь-шаньскихъ горныхъ громадъ.

Разъ принявши въ подданство свое киргизскія степи, намъ, естественно, слѣдовало стремиться къ обращенію номинальнаго подданства этого въ дѣйствительное, такъ какъ безъ того невозможно были не только развитіе торговли нашей съ осѣдлыми владѣніями лежавшими позади этихъ степей — отъ чего ожидалось, хотя и напрасно, великія выгоды — но и безопасность самаго русскаго населенія по сосѣдству съ этими степями. А разъ достигши покорности киргизовъ — осязательнѣе всего свидѣтельствовала она податью которую стали взимать съ нихъ — разъ добившись подчиненія ихъ нашему управленію, и водворенія возможнаго порядка и тишины въ степяхъ, легло уже на обязанность нашу и охраненіе ихъ отъ враждебныхъ покушеній съ юга, со стороны коканцевъ и хивинцевъ. Притязанія хивинскихъ хановъ, весьма усилившихся съ начала текущаго столѣтія, на зависимость отъ нихъ киргизовъ ограничивались, впрочемъ, временными поборами съ ближайшихъ къ нимъ родовъ, и не нарушали значительно спокойствія степи вообще говоря. Иначе вели себя коканцы. Утвердившись, съ 1820-хъ годовъ, въ господствѣ надъ правымъ побережьемъ сырскаго низовья и сѣверныхъ скатовъ Каратау и Алатау, рядомъ кургановъ (глиняныхъ крѣпостицъ) здѣсь возведенныхъ, не только обирали они регулярно тамошнихъ и сосѣднихъ киргизовъ, но, время отъ времени, многочисленными шайками вторгались внутрь зауральскихъ и причуйскихъ степей, и производили страшныя разоренія, сопровождая ихъ ужасающимъ варварствомъ. Съ построеніемъ Вѣрнаго и Раима, мы стали лицомъ къ лицу съ этими варварами, и неизбежно должны были столкнуться съ нимъ вооруженнымъ образомъ. А какъ у азіатцевъ нѣтъ и въ заводѣ политическаго благоразумія, воспрещающаго начинать борьбу не по силамъ, да и о силахъ Россіи коканцы никакого понятія не имѣли, а между тѣмъ отъ разбойничьихъ замашекъ своихъ отстать не хотѣли, то враждебныя ихъ отношенія къ нашимъ киргизамъ естественно должны были окончиться къ великой ихъ невыгодѣ. Къ концу 1853 года почти все коканскіе курганы на низовья Сыра, включи-

тельно съ главнѣйшимъ, Акъ-Мечетью, были уже въ нашихъ рукахъ. Необходимо было наказать и хивинцевъ, не за старныя винны ихъ, давно у насъ забытыя, а за частые грабежи нашихъ въ Бухару и бухарскихъ къ намъ каравановъ, и за покровительство захвату русскихъ промышленниковъ на Каспійскомъ Морѣ, производившемуся какъ туркменами, такъ и непокорными еще намъ киргизами, вслѣдствіе чего Хива сдѣлалась главнымъ рынкомъ для торговли русскими невольниками, и томились ихъ тамъ цѣлыя тысячи. Послѣ долгихъ колебаній какъ взяться за это наказаніе, рѣшено было, наконецъ, предпринять въ 1839 году зимній походъ на Хиву; но, какъ извѣстно, за необычайною жестокостію зимы, русскіе отряды должны были возвратиться вспять, далеко не достигнувъ до предѣловъ хивинскаго ханства. Правда, испуганный этимъ движеніемъ и еще болѣе задержаніемъ хивинцевъ, торговавшихъ въ Россіи — мѣрою, къ которой давно слѣдовало прибѣгнуть — ханъ хивинскій выдалъ часть русскихъ, находившихся въ рабствѣ у него и его подданныхъ, но затѣмъ дѣла опять пошли по прежнему: опять хивинцы грабили наши караваны, опять скупали русскихъ людей, захваченныхъ туркменами и киргизами, такъ что посольство, отправленное въ Хиву въ 1842 году, для улаженія дѣлъ мирнымъ путемъ, имѣло послѣдствіемъ лишь собраніе новыхъ свѣдѣній о низовьяхъ Аму-Дарьи (изданныхъ Данилевскимъ и Базинеромъ). Чтобы препятствовать разбоямъ прикаспійскихъ туркменовъ, учреждено было постоянное крейсерство военныхъ морскихъ судовъ въ южной части Каспійскаго Моря, со станціею, по соглашенію съ Персіею, въ Астрабадскомъ заливѣ; но крейсерство это вообще мало достигало цѣли, и если защищало отъ нападений туркменовъ, то не русскія промышленныя суда въ сѣверной части Каспія, а берега персидскихъ прикаспійскихъ областей. Не измѣнились къ лучшему, въ рассматриваемое время, и оскорбительныя для Россіи торговыя отношенія къ Бухарѣ. Просьбою бухарскаго эмира прислать къ нему людей искусныхъ въ отысканіи золотыхъ рудъ (до него дошли слухи о нашихъ золотоносныхъ россыпяхъ въ Сибири и на Уралѣ) воспользовались у насъ только для того, чтобы послать въ Бухарію, въ 1842 году, нѣсколькихъ ученыхъ и горныхъ офицеровъ, которые, при этомъ случаѣ, посѣтили Самаркандъ и другія до тѣхъ поръ недоступныя для европейцевъ мѣста ханства, и вывезли драгоцѣнныя о немъ научныя свѣдѣнія (Ханыковъ, Леманъ, Бутеневъ).

По отношенію къ Китаю, торговлю съ этимъ государствомъ, какъ установилась она въ Кяхтѣ, продолжали мы дорожить еще болѣе чѣмъ торговлю съ Бухарою, и для того чтобы производство ея, для насъ невыгодное, не прекратилось какимъ-нибудь образомъ хотя временно, готовы были все принести въ жертву. Въ продолженіе войны которую объявили англичане китайцамъ въ 1840 году, могли бы мы, если-бы только хотѣли, выторговать многое въ свою пользу, такъ какъ китайскія власти, совершенно тогда незнакомыя съ Европою, сами обращались за совѣтами и разъясненіями къ членамъ нашей пекинской миссіи, но мы почему-то нашли нужнымъ не вмѣшиваться въ эту распрю ни подъ какимъ видомъ, и сочли за великую дипломатическую побѣду когда удалось намъ, кульджинскимъ трактатомъ 1851 года, узаконить торговлю съ западнымъ Китаемъ черезъ Кульджу и Чучучакъ, производившуюся преспокойно, безо всякаго на то разрѣшенія, изъ Бухтармы, Петропавловска и Семипалатинска, еще съ самаго начала текущаго столѣтія. По договору этому, приобрѣли мы право построить въ Чучучакѣ и Кульджѣ свои факторіи, и держать въ послѣдней своего консула. Подъ конецъ разсматриваемаго періода страхъ поссориться съ Китаемъ началъ однако уступать мѣсто другимъ государственнымъ соображеніямъ: мы задумали возвратить край, потерянный нами, ни за что ни про что, по нерчинскому трактату, и открыть судоходство по Амуру въ Восточный Океанъ. Съ этою цѣлію начались съ 1853 года военныя дѣйствія противу китайцевъ на означенной рѣкѣ; но, надо сказать, что и за это дѣло, лежавшее безъ движенія болѣе 160 лѣтъ, схватились мы тутъ уже очень поспѣшно, такъ что выгоды его еще впереди, а между тѣмъ успѣло оно отразиться уже весьма невыгоднымъ образомъ на благоденствіи Восточной Сибири.

По крайней мѣрѣ относительно Японіи не уступили мы въ успѣхѣ прочимъ европейскимъ націямъ, взявшись за открытіе сношеній съ нею и своевременно, и энергически. Въ послѣдніе дни царствованія императора Николая заключенъ былъ съ этимъ государствомъ договоръ въ Симодѣ, которымъ открытъ для русскихъ судовъ доступъ въ три порта: Симоду, Хакодате и Нагасаки, предоставлено Россіи имѣть консула въ одномъ изъ двухъ первыхъ портовъ, и выговорено важное условіе, что всѣ права и преимущества, какія бы ни были даны впредь въ Японіи другимъ націямъ, должны быть, съ тѣмъ вмѣстѣ, распространены и на русскихъ подданныхъ. Такимъ образомъ, намъ, одновременно

съ сѣверо-американцами, первымъ принадлежитъ честь пробитія бреши въ эту, недоступную до тѣхъ поръ, Великобританію Восточнаго Океана.

Въ замкѣ Грипсгольмъ, на озерѣ Меларъ, лежатъ на дворѣ двѣ громаднѣйшія русскія пушки временъ Грознаго, вывезенныя изъ Новагорода, въ смутное время, генераломъ Делагарди. Шведы съ гордостію показываютъ иностранцамъ эти трофеи свои, а русскому человѣку нисколько не больно смотрѣть на нихъ, памятуя о полтавскомъ боѣ и послѣдствіяхъ его для Швеціи. Такъ, безъ всякаго огорченія можемъ сознаваться мы и въ неудовлетворительности нашей среднеазиатской политики со временъ Петра-Великаго, зная что въ настоящее царствованіе заглажены со славою почти всѣ прежніе промахи, и что русское имя въ Средней-Азій столь же грозно теперь и пользуется такимъ же уваженіемъ, какъ послѣ разгрома Казани и Астрахани. Но оцѣнку дѣйствій нашихъ по отношенію къ этой части Азій за послѣднія двадцать лѣтъ мы не принимаемъ на себя, какъ потому, что взглядъ современника можетъ быть и близорукъ, и пристрастенъ, такъ и потому, что не имѣемъ для этого подъ рукою достаточно вѣрныхъ и полныхъ данныхъ.